

Л. А. Геготаулина
МАЛЕНЬКИЙ ГОРОД И ПРОБЛЕМЫ БОЛЬШОЙ ПОЛИТИКИ.
К 160-летию ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ ПЕТРОПАВЛОВСКА

Крымские события 2014 г. в очередной раз позволили россиянам ощутить обостренное чувство гордости за свою родину, проявляющую себя в международной обстановке как справедливое, сильное и уверенное в себе государство.

160 лет тому назад также был велик патриотический подъем, однако поводом к нему послужили не только события, связанные с победой русского флота под командованием П. С. Нахимова в Синопском сражении между русской и турецкой военными эскадрами (1853 г.) в условиях Крымской войны (1853–1856 гг.), но и доблестная по силе духа оборона Петропавловского порта (1854 г.).

Подвиг жителей далекого маленького городка был столь велик, что именем «Петропавловск» были названы один из первых русских батарейных броненосцев на Балтике, затем эскадренный броненосец (погиб в годы Русско-японской войны), а еще позднее – один из первых русских дредноутов (1, с. 93–94). А имя фрегата «Аврора», защищавшего Петропавловский порт, увековечено в самом известном российском крейсере.

Защита города стала одной из многих славных страниц, позволивших 3 ноября 2011 г. присвоить г. Петропавловску-Камчатскому за мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города в борьбе за свободу и независимость Отечества, почетное звание «Город воинской славы» (4).

Появление иностранных судов объединенной англо-французской флотилии у берегов Камчатки было неслучайно. Слабо укрепленное российское побережье Восточного океана привлекало все возрастающее внимание двух европейских держав, привыкших чувствовать себя на вершине мира и создавших к середине XIX в. самые мощные колониальные империи: Британскую и Французскую. Наряду с переселенческими (в Англии) и старыми (во Франции) колониями появились новые виды колоний – завоеванные и новые, соответственно, созданные на основе насилия.

Огромные территории в Северной Америке, Австралии, Африке, Вест-Индии, Индии, Океании перешли под контроль метрополий и превратились в рынки сбыта для активно развивающихся европейских государств. Поиск новых объектов колониального внимания обратил взгляды европейцев на Северо-Восток Российской империи.

Северная часть Тихого океана стала вызывать повышенный интерес европейцев еще в последней четверти XVIII – начале XIX вв. Началось активное исследование Тихого океана многочисленными экспедициями: Кука, Лаперуза, Ванкувера и Броутона. Столь пристальная заинтересованность была неслучайной. Она обуславливалась усилением борьбы Англии, Франции и США за сферы влияния и раздел колоний в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В частности, начало этому процессу было положено экспансией на территорию Китая с целью получения рынков сбыта и источников сырья. В результате Первой «опиумной» войны в 1842 г. в г. Нанкине был подписан договор (3), оказавшийся кабальным и неравноправным для Китая. Согласно договору, для иностранцев открывались пять китайских портов; устанавливались льготные таможенные тарифы; к Англии отошел о. Гонконг (Сянган); Китай должен был выплачивать англичанам огромную контрибуцию.

В 1843 г. Нанкинский договор был дополнен протоколом, согласно которому иностранцам предоставлялось право экстерриториальности в создаваемых ими поселениях, где устанавливалась не подчиненная китайским властям система управления, располагались иностранные войска и полиция, иностранцы изымались из-под контроля китайских судов, для них устанавливалась консульская юрисдикция.

Относительная легкость, с которой был превращен в полуколонии Китай, придала оптимизма другим государствам. Вслед за Англией аналогичные неравноправные торговые договоры с Китаем были заключены США и Францией (1844 г.) (2, с. 443–444).

Присутствие молодого американского государства в Азиатско-Тихоокеанском регионе также было обозначено подписанием в 1858 г. неравноправного торгового договора с Японией, лишавшего ее таможенного суверенитета и расширявшего экстерриториальность американцев (2, с. 395).

Обострению международной обстановки в регионе способствовали и массовые вторжения американских китобоев в российские территориальные воды (1, с. 39). Иностранцам казалось, что при желании они смогут без особого усилия завладеть и слабо укрепленными российскими тихоокеанскими поселениями.

События, разворачивающиеся в течение ряда лет в непосредственной близости от российской территории, не могли не встревожить верховную власть. Нарастающая активность европейских держав в юго-восточной Азии и Тихом океане заставила по-новому перегруппировать основные силы зарождавшегося Тихоокеанского флота России.

В 1849 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев, побывав на Камчатке, а также в Аяне и Охотском порте, где в тот период был сосредоточен военный гарнизон, обеспечивающий охрану всего российского тихоокеанского побережья, пришел к выводу о необходимости перенести все портовые и военные службы в Петропавловский порт (6, л. 19–19об).

Пророческими стали рассуждения Н. Н. Муравьева в докладной записке императору о том, что овладение Камчаткою, Амуром и Сахалином с намерением отрезать Россию от Восточного океана может стать ближайшей целью Англии.

В письме министру внутренних дел Л. А. Перовскому Н. Н. Муравьев заявлял: «...необходимо Авачинскую губу укрепить, а без этого она будет игрищем самой незначительной враждебной эскадры: там ныне уже были два английских военных судна в одно время; на них было более 200 человек экипажа (шлюп и шхуна, путешествующие под видом отыскания Франклина)... Я много видел портов в России и Европе, но ничего подобного Авачинской губе не встречал; Англии стоит сделать умышленно двухнедельный разрыв с Россиею, чтобы завладеть ею и потом заключить мир, но Авачинской губы она нам не отдаст» (1, с. 41).

2 декабря 1849 г. вышел указ об образовании самостоятельной Камчатской области. Указом Правительствующему Сенату от 18 февраля 1850 г. император Николай I назначил капитана первого ранга В. С. Завойко Камчатским военным губернатором и командиром Петропавловского порта.

К этому времени В. С. Завойко много лет отдал военно-морской службе, испытал тяготы боевых сражений, в том числе участвовал в Наваринском сражении; дважды совершил кругосветные плавания; зарекомендовал себя как великолепный организатор в должности управляющего факторией Российско-Американской компании в Охотске (6, л. 8–9), а также в должности начальника новопостроенного военного и торгового порта Аян.

В связи с образованием Камчатской области Охотский порт с морским управлением был упразднен и перенесен в Петропавловский порт, ставший административным центром образованной Камчатской области на правах губернии. 22 февраля (6 марта) 1850 г. последовал указ о соединении в один общий состав под названием 46-го флотского экипажа Охотской мастерской роты и Петропавловской роты. В период 1852–1854 гг. из Охотска была перевезена артиллерия и переведен гарнизон, составлявший 231 чел. (47-й флотский экипаж, экипажи судов, дети-кантонисты).

Информация, содержащаяся в отчете Камчатской области за 1854 г., позволяет составить представление о том, каким был накануне сражения с англо-французами самый укрепленный российский порт на Тихом океане.

Строений было в нем немного: 58 казенных домов, 191 частный дом и 7 торговых лавок (5, л. 59). Общее число жителей Петропавловского порта составляло 1531 чел.: 999 мужчин и 532 женщины (5, л. 136). При этом большую часть жителей составляли военные с их семьями – 1049 чел. и казаки – 102 чел. (5, л. 58).

Все народонаселение Камчатской области (от юга п-ова Камчатка до с. Гижига) составляло 9 101 чел. (подсчет по: 5, л. 136–136об). Из них инородцы (коренное автохтонное население Камчатки) составляли большую часть – 5 640 человек. Достаточно сложно определить число собственно военнотружущих, потому что в ведомостях использовалась формулировка «войска с семьями», но на всю Камчатскую область их численность достигала 1 107 чел. и, кроме того, насчитывалось 670 отставных солдат и казаков (5, л. 136).

Эти показатели свидетельствуют о том, что основные войсковые силы действительно были сосредоточены в Петропавловском порте.

Маленький городок, затерянный на огромных просторах почти безлюдного региона, старался выстроить свою жизнь по правилам Центральной России. Дети учились в Петропавловском штурманском училище и в школе кантонистов, местное население обучалось огородничеству, ткачеству и горшечному делу, активно формировалась публичная библиотека, работали суд, госпиталь и т. д.

Доходы камчатской столицы были весьма скромны. В 1854 г. казна пополнилась 909 руб. 37 коп. и составила 1 678 руб. 94 коп. (5, л. 135). Существенным источником доходов были пожертвования Российско-Американской компании, составлявшие 300 руб. в год (5, л. 10б). При этом важно было правильно распорядиться городским бюджетом в условиях хронического финансового дефицита. К примеру, в Петропавловском порте в 1854 г. пуд картофеля стоил 2 руб., пуд мяса соленого – 6 руб., сажень дров березовых – 6–7 руб., мука ржаная стоила 3 руб. 7,5 коп. (5, л. 57).

Первый военный губернатор Камчатки В. С. Завойко, располагая ограниченными человеческими и материальными ресурсами, за непродолжительный период все же сумел построить казенные дома (в 1850 г. их было 29 (8, л. 24–27об), а в 1854 г. стало 58), пристань, литейные мастерские, кирпичный завод, лечебницы; организовать перевозку из Охотского порта личного состава, артиллерии, боеприпасов и т. д. Однако первостепенной задачей губернатора стала организация оборонительных сооружений, призванных отразить натиск потенциального неприятеля.

Тучи сгустились над Камчаткой. В марте 1854 г. с зимней почтой пришло сообщение о войне с Турцией. Кроме того, 3 марта 1854 г. (по юлианскому календарю – 15–16 марта) Великобритания и Франция объявили России войну. 26 мая 1854 г. новость о войне достигла Камчатки одновременно с приказом о немедленном укреплении Петропавловского порта и подготовке к обороне от неприятеля. Сомнений в грозящей опасности больше не оставалось.

Несмотря на то, что основным театром военных действий стало Чёрное море, ожесточенные бои велись и на Балтике, и на Белом море, и на Тихом океане. Восточные рубежи огромной Российской империи предстояло защитить небольшому гарнизону Петропавловского порта.

Это нам сейчас известна истинная картина того, что представлял собой Петропавловский порт и сколько было его защитников, а в 1854 г. французы, прибыв в Сан-Франциско через 25 дней после сражения, дали газете «Тихоокеанское эхо» следующую информацию: «Петропавловск является местом значительной важности, местопребыванием военного наместника с большим гарнизоном, который был значительно увеличен подкреплением из Сибири под командованием опытного российского генерала за месяц до того, как объявление войны достигло Тихого океана» (1, с. 184). Речь шла о прибытии с Амура в Петропавловский порт транспорта «Двина», который доставил 330 чел. Сибирского линейного батальона.

Для обороны Петропавловского порта были оперативно сооружены семь батарей, созданы два стрелковых отряда, волонтерский и пожарный отряды. Горожане, экипажи судов, жители окрестных селений в единой команде трудились над укреплением порта: производили земляные работы, готовили пороховые погреба, заготавливали лес для батарей, перегружали орудия с судов и поднимали их на батареи.

В. С. Завойко отмечал, что Петропавловский порт приведен в оборонительное положение, насколько позволяли средства, и в своем «Воззвании» выражал надежду на то, что защитникам удастся сделать все для защиты порта и русского оружия, что в человеческих силах возможно.

То, что произошло в период по старому стилю с 18 по 24 августа (30 августа – 5 сентября) 1854 г., подтверждает, что защитниками города было сделано все возможное и невозможное.

Объединенной англо-французской эскадре, включавшей шесть судов (4 фрегата, бриг, пароход), на которых было 2 200 членов экипажей и 500 солдат морской пехоты и 212 орудий, противостояло 927 российских моряков, солдат, казаков и ополченцев с 67 орудиями старого образца.

Невероятная стойкость защитников города, хладнокровие и тактический талант организаторов обороны привели к тому, что имея в три раза меньший численный состав и вооружение, ограниченное количество боеприпасов, выдержав многочасовые обстрелы, высадку неприятельского десанта и рукопашные схватки и понеся при этом в четыре раза меньшие потери, защитники одержали победу над врагом.

Союзники, потеряв в Петропавловском порту не менее 450 чел., покинули гавань. Военные были ошеломлены своим разгромом и воспринимали это как исключительное поражение своих флагов.

Они и предположить не могли, что в своем донесении в Артиллерийский департамент 5 сентября 1854 г. В. С. Завойко сообщил, что после отражения англо-французского десанта в Петропавловске осталось порохов только на 30 выстрелов и просил о скорейшей его доставке на Камчатку. Он подчеркивал, что «пороху и прочим артиллерийским припасов осталось так мало, что в случае вторичного нападения неприятеля нельзя будет держаться», почему и требовал о высылке с лейтенантом князем Д. П. Максutowым «5 000 ударных трубок для 36-фунт. калибра и 1 000 для 24-фунт. калибра». В ответ сообщалось, что ударные трубки отправлены нарочным (7, л. 29, 38об–39).

Между тем, в Петропавловском порте начались восстановительные работы, предприняты меры для укрепления батарей и постройки новых укреплений. Все понимали, что после осенних и зимних штормов незваные гости вернуться, чтобы взять реванш. Проблемы возникли, в первую очередь, с доставкой боеприпасов и пополнения на полуостров. Грузы и людей могли доставить лишь с началом навигации, которая в здешних широтах начиналась поздно. Это грозило тем, что неприятель мог опередить защитников, а отстоять безоружный Петропавловский порт было бы невозможно.

В условиях нарастающей тревоги за будущее Петропавловска как гром среди ясного неба прозвучало предписание великого князя Константина Николаевича генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву: не посылать военные силы на Камчатку, направить их на Амур. Аргументы были следующими: «мы приняли за правило защищать... в будущем году только те населенные пункты, которые в состоянии защитить, а прочие оставить без защиты, дабы не дать неприятелю возможности хвастаться победой в Сибири сильным пунктом...» (7, л. 1об).

Великий князь Константин Николаевич (управляющий Морского министерства) 7 января 1855 г. предписывал контр-адмиралу В. С. Завойко «перейти самому с наступлением весны при первой возможности и перевести в устье Амура военные суда наши, войско, орудия, порох и вообще военные принадлежности, дабы укрепиться надлежащим образом на берегах Амура» (7, л. 12–13).

4 февраля 1855 г. генерал-губернатору Восточной Сибири было сообщено о Высочайшем повелении о переводе военных сил из Петропавловска в устье Амура (7, л. 51). А уже 3 марта 1855 г. В. С. Завойко получил с курьером секретное предписание генерал-губернатора Восточной Сибири перенести из Петропавловского порта все находящееся здесь: военные способы, всю морскую команду, управления военное и гражданское в Николаевский пост в устье Амура, оставив на Камчатке только земское управление (7, л. 79).

Новость об упразднении порта для горожан была неожиданной и пугающей. Обстоятельства эвакуации держались в строжайшем секрете. Никто толком не понимал, куда предстоит эвакуироваться и почему после столь блестящей обороны власти готовы оставить без боя Петропавловский порт.

Тем не менее, после невероятного напряжения, связанного со стремительными сборами, командир Петропавловского порта контр-адмирал В. С. Завойко рапортовал: 5 апреля 1855 г. эскадра снялась с якоря на Авачинском рейде, и все благополучно вышли в море, следуя к месту назначения (7, л. 78–78об).

Все находящиеся в Камчатке военные силы и суда перешли благополучно в устье Амура и по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири расположились на зимовку в трех главных пунктах при постах: Николаевском, Мариинском и Александровском (7, л. 171). Кроме военных, на судах были вывезены 281 чел. пассажирами, в том числе 119 детей в возрасте до 14 лет (7, л. 83).

Город опустел. Его эвакуация оказалась как нельзя кстати. Известно, что командирам английской и французской эскадр в правительственных инструкциях предписывалось взять любой ценой Петропавловский порт. Для этого было увеличено число кораблей и орудий на них. 19 мая 1855 г. 11 вражеских судов вошли в порт. В бессильной ярости союзники в течение трех недель опустошали город: уничтожали площадки для батарей, пороховые погреба, здания... А затем ушли от берегов Камчатки, надеясь отыскать исчезнувший гарнизон.

Вызывает интерес, почему не происходило попыток захвата иных камчатских территорий, кроме Петропавловского порта, никоим образом не укрепленных и почти не заселенных. Почему после вторичного нападения на Петропавловский порт в 1855 г. англичане и французы не провозгласили его своей подконтрольной территорией?

Ответ, скорее всего, стоит искать в экономической плоскости. «Дикие» территории, практически безлюдные, с суровым климатом, без налаженной системы коммуникаций плохо представлялись как рынок сбыта колониальных товаров. Здесь не было также и достаточного числа рабочих рук для производства новых материальных благ. Территория же сама по себе еще не являлась самоцелью. Ценность представляли люди.

Перевод войсковых подразделений на Амур достигал двух целей: позволил сохранить человеческий и материальный ресурс Петропавловского гарнизона, а также укрепить обороноспособность Приамурья как важнейшего для страны стратегического района. Повышенная активность правительственных кругов подтверждает эту мысль. На укрепление Амура были ориентированы многие ведомства и военные заводы.

Из переписки о снабжении судов, находящихся при Восточных берегах Сибири, орудиями и артиллерийскими орудиями известно, что Военное министерство предписало об отпуске из Сибирских военных складов 97 пушек: 20 пушек 2-пудовых бомбических; 32 пушек 36-фунтовых; 19 карронад 18-фунтовых; 14 пушек 24-фунтовых; 12 пушек 12-фунтовых.

Министерство финансов заказало уральским казенным заводам немедленно отлить 40 пушек: 20 штук 3-пудовых бомбовых и 20 пушек 30-фунтовых; лафеты для них должны быть приготовлены на алтайских заводах.

По распоряжению Военного министра 5 000 пудов пороха было отправлено на срочных подводах из Казанского порохового завода.

20 пудов фитиля отпущено из Омского артиллерийского гарнизона и 20 пудов фитиля отпущено артиллеристам департамента Морского министерства по почте.

70 000 ружейных капсюлей и 6 000 ударных скорострельных трубок отпущены артиллерийским департаментом Морского министерства из его запасов. Снаряды для находящейся в устье Амура артиллерии изготавливались и доставлялись из Екатеринбурга через Томск и Иркутск. Кроме того, было отправлено 6 000 ударных трубок и 79 000 капсюлей и весь инструмент, необходимый для приготовления ударных скорострельных трубок (7, л. 124–126).

Начался новый этап в укреплении обороноспособности России на дальневосточных рубежах. В мае 1855 г. В. С. Завойко был назначен начальником морских сил, находящихся в устье р. Амур, а в сентябре того же года – начальником морских и сухопутных сил.

С точки зрения геополитики Российская империя сделала уверенный шаг навстречу своему укреплению в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Вполне возможно, что подвиг небольшого Петропавловского гарнизона в условиях Крымской войны мог бы послужить моральным фундаментом для великого подвига русского оружия при обороне Севастополя, начавшейся через несколько недель после Петропавловской обороны, мог бы придать дополнительных сил участникам сражения у Балаклавы, Карса и т. д. Однако весть о славной обороне Петропавловского порта достигла центральных районов Российской империи весьма нескоро. Тем ценнее осознание того, что сила российского духа и любовь к Родине были одинаково велики, независимо от того, какой уголок отчизны защищали ее сыновья!

1. *Воробьева Т. В.* Крымская война и Петропавловская оборона 1854–1855 годов. Петропавловск-Камчатский : КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. 223 с.

2. История государства и права зарубежных стран: учебник : в 2-х т. Т. 2: Современная эпоха / отв. ред. Н. А. Крашенинникова. М. : Норма, 2008. 720 с.

3. Нанкинский договор от 29 августа 1842 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://nik2nik.ru/node/69> (дата обращения 23 апреля 2014 г.)

4. О присвоении г. Петропавловску-Камчатскому почетного звания Российской Федерации «Город воинской славы»: Указ Президента РФ от 03.11.2011 N 1458 // Собрание законодательства Российской Федерации. 07.11.2011. N 45. Ст. 6393.

5. РГА ВМФ. Ф. 1177. Оп. 1. Д. 3.

6. Там же. Ф. 1365. Оп. 1. Д. 7.

7. Там же. Ф. 410. Оп. 2. Д. 959.

8. Там же. Ф. 84. Оп. 1. Д. 4319.

И. А. Головнёв НЕВЕДОМАЯ ЗЕМЛЯ.

КАМЧАТСКАЯ КИНОЭКСПЕДИЦИЯ А. ЛИТВИНОВА 1929–1930 гг.

Зародившись в начале XX в. в форме экзотических зарисовок, к концу 20-х гг. этнографическое кино в России оформилось в продуктивное направление. В этнокино работали ведущие документалисты страны: Дзига Вертов, Владимир Ерофеев, Александр Литвинов, Владимир Шнейдеров и многие другие. Каждая крупная киностудия имела в своем плане регулярный выпуск фильмов о народах, населяющих Россию и другие территории Советского Союза. Был запущен масштабный проект – «Киноатлас СССР», предполагавший создание около 100 фильмов силами крупнейших советских киноорганизаций, укрепивший систематизацию производства этнографических фильмов. Количество выпущенных лент этнографического содержания увеличилось с 70 в 1925 г. до 200 в 1930 г. (1).

С одной стороны, это было связано с государственным заказом по широкому экранированию «киноправды» об отсталости окраин бывшей царской империи и о прогрессивных изменениях в жизни этнических сообществ многонационального Советского Союза с приходом новой власти. С другой – этнографическое кино имело громкий успех у зрителей, для которых оно было уникальным окном в неведомую культурную географию страны.

Этнокино, выполняя политический долг, параллельно революционизировало творчески, развивая внутренние ресурсы кино как нового вида искусства. Так, известный кинодиптих «Лесные люди» и «По дебрям Уссурийского края» А. Литвинова, сделанный в результате киноэкспедиции